

Об особенностях религиозного юмористического дискурса (на примере православной конфессии)

Е. Е. Анисимова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
letanisimova@mail.ru*

Аннотация. Автор статьи обращается к религиозному юмористическому дискурсу. В ней рассматриваются особенности юмора в религиозной сфере, раскрывается сущность данного вида дискурса, устанавливаются его функции, акторы и сюжеты, языковые особенности. В статье выявляются основные лингвокультурологические типажы православного религиозного дискурса (батюшка, бабушка, дама), а также определяются универсальные и специфические для исследуемого дискурса приемы и языковые средства создания комического.

Ключевые слова: юмористический, религиозный, православный, дискурс, лингвопрагматический, лингвокультурологический

Для цитирования: Анисимова Е. Е. Об особенностях религиозного юмористического дискурса (на примере православной конфессии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 9–17.

Original article

On Specific Features of a Religious Humorous Discourse (a case study of Orthodox confession)

Elena E. Anisimova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
letanisimova@mail.ru*

Abstract. The paper considers items connected with the study of a humorous religious discourse. The paper addresses specific features of humor in the sphere of religion, reveals the points of a religious humorous discourse, defines functions, factors, subjects and characteristic linguistic properties. The paper defines basic linguo-cultural models of the Orthodox religious discourse (Father, granny, dame), as well as defines universal and specific for the discourse concerned methods and means of comic image creation.

Keywords: humorous, religious, Orthodox, discourse, linguo-pragmatic, linguo-cultural

For citation: Anisimova, E. E. (2023). On specific features of a religious humorous discourse (a case study of Orthodox confession). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 9–17.

ВВЕДЕНИЕ

Веселое сердце благотворно, как врачество,
а унылый дух кости сушит
Притча 17:22

Юмор как особый тип осмысления действительности, являясь предметом междисциплинарного исследования (с позиции философии, психологии, социологии, культурологии, эстетики, литературоведения и др.), вызывает живой интерес у лингвистов. До сих пор в лингвистике нет однозначного толкования понятия «юмористический дискурс». Наибольшее распространение в языковедческих исследованиях получило определение данного понятия, предложенное В. И. Карасиком. По мнению ученого, «юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения» [Карасик, 2004, с. 304]. Основными признаками этого дискурса являются:

- 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора;
- 2) юмористическая тональность общения;
- 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

За последние годы юмористический дискурс всесторонне изучался на материале различных языков и лингвокультур [Лендвай, 2001; Шмелева, Шмелев, 2002; Кулинич, 2004; Миловская, 2011; Рохлина, 2017; Фернандес Санчес, 2017], в разных сферах коммуникации: политической [Желтухина, 2000], медицинской [Казакова, 2013], деловой [Ратмайр, 2007] и др. Дискуссионным является вопрос о допустимости юмористического дискурса в религиозной сфере коммуникации. Лингвисты обычно дают отрицательный ответ на данный вопрос. Так, В. Я. Пропп отмечает, что «область религии и область смеха взаимоисключаются» [Пропп, 1976, с. 22], А. М. Морозова утверждает, что религиозный дискурс максимально закрыт для юмора [Морозова, 2013]. Подобный взгляд, однако, опровергается самими представителями Церкви, которые считают, что юмор в религиозной сфере коммуникации не только допустим, но и желателен. Речь идет о светлом, благотворном юморе, о чувстве юмора, который позволяет избавиться от уныния, гордыни, преодолеть сложную жизненную ситуацию и даже боль и страдание. По словам Иоанна Златоуста: «Не смех – зло, но зло то, когда он бывает без меры, когда он неуместен. Способность смеха внедрена в нашу душу для того, чтобы душа иногда получала облегчение...»¹

¹ Смеяться, право, не грешно... Юмор православных священников и мирян. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2022. С. 3.

В предисловии к сборнику «Улыбнись. Смешные истории из жизни священников и мирян», где собраны забавные истории из жизни православных, подчеркиваются особенности юмора в религиозной среде: «Православный юмор – это когда православные смеются над самими собой, своими поступками, над смешными эпизодами, связанными с жизнью православных, но не над Богом или святыми. В юморе не должно быть цинизма. Здесь очень тонкая грань, иначе есть риск впасть в кощунство по отношению к Богу»².

Юмор в религиозной сфере не допускает унижения человека, злой насмешки над ним, здесь табуированы многие темы, растиражированные в светской жизни, в бездне Интернета, например, секс, супружеская неверность, практически нет анекдотов о политике, недопустимо применение грубой нецензурной лексики и т. п. О возрастающем интересе к юмору в сфере религии свидетельствуют изданные в последние годы сборники юмористических историй из жизни верующих³, православные сайты⁴, послужившие материалом для настоящего исследования.

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОГО
ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Как отмечают ученые, в основе комического лежит внутреннее противоречие, заключающееся в несоответствии между тем, что явление есть на самом деле и тем, на что оно претендует [Борев, 1965]. Соединение несовместимого, неожиданное сближение и сопоставление явлений, различных и взаимоисключающих друг друга, вызывает у адресата эффект обманутого ожидания и смех [Дземидок, 1974]. В религиозной сфере внутреннее противоречие проявляется в несоответствии между обыденным и религиозным, низменным и высоким, греховностью человека и его претензией на устремленность к миру горнему, между несовершенным состоянием церковной жизни и Евангельскими истинами.

Религиозный юмористический дискурс (РЮД) представляет собой совокупность текстов комического содержания, соотносимых с денотативной областью «религия, церковь», целью которых является

² Улыбнись. Смешные истории из жизни священников и мирян. М.: Новая мысль, 2017. С. 4.

³ Улыбнись. М.: Новая мысль, 2017 ; Улыбнись, обнимая ежика! Смешные истории из приходской жизни и не только. М.: Новая мысль, 2020.

⁴ URL: <https://ok.ru/prav.jumor> ; <https://pravoslavie.fm> ; <http://forum.pravoslavie-today.com> ; <http://www.mirny-hram.ru> ; https://vk.com/top-ic-11857957_25321201

безобидно, мягко высмеять недолжные явления в среде верующих (грехи человека, несообразности в церковной жизни и т. п.), вызвать смеховую реакцию у адресата, создать благоприятную эмоциональную атмосферу, способствовать исправлению существующих недостатков. Наряду с функцией осмеяния и эмоционально-психологической функцией (снятия психологического напряжения, создания хорошего настроения) в РЮД в отличие от светского юмористического дискурса особую значимость приобретает назидательная функция, направленная на воспитание человека. Так, забавная история нередко приобретает здесь характер поучительной притчи, а шуточный афоризм помогает раскрыть смысл религиозной истины, может послужить стимулом к совершению хорошего поступка, самосовершенствованию. Являясь продуктом православного фольклора, феноменом повседневного общения, РЮД относится к периферийному, но достаточно значимому дискурсу в религиозной коммуникации, тесно взаимодействующему с религиозно-бытовым и религиозно-художественным дискурсами [Анисимова, 2019].

РЮД носит внутрицерковный характер, он функционирует и уместен в среде верующих, но не всегда может быть воспринят и понят людьми далекими от веры, так как церковный юмор, как и юмор в целом, относится к народному смеховому началу, адресантом РЮД, как правило, является анонимный коллективный автор, что не исключает индивидуального авторского РЮД. В качестве конкретных адресантов при этом выступают создатели юмористических историй, обычно священнослужители, занимающиеся художественным творчеством, например, протоиерей Александр Авдюгин, протодиакон Сергей Шалберов, нередко адресанты представлены опосредованно: в РЮД приводятся их остроумные изречения, например: *Серьезные шутки протоиерея Димитрия Смирнова*, или они являются рассказчиками забавных историй из своей или чужой жизни, например: *Истории от митрополита Питирима (Нечаева)*. Адресатом РЮД выступает аудитория, объединенная общностью конфессионального мировоззрения, знанием церковной жизни, что обеспечивает необходимую интерпретационную базу для восприятия православного юмора, узнаваемость описанных комических ситуаций.

В РЮД находят отражение комические ситуации, забавные эпизоды, встречающиеся:

- а) в среде самих представителей Церкви (священников, членов клира, монахов, семинаристов и др.);
- б) во взаимодействии священнослужителей с мирянами;

- в) в общении православных священнослужителей с представителями других конфессий и атеистами;
- г) в общении мирян друг с другом;
- д) в контактах верующих с потусторонним миром – Богом, апостолами, ангелами, а также inferнальными силами.

Ситуативный контекст определяет тематику, излюбленные сюжеты, модели смехового поведения, представленные в РЮД. Так, применительно к внутригрупповому общению священнослужителей здесь нередко юмористически обыгрываются взаимоотношения между церковным священноначалием и подчиненными, нестандартные ситуации в богослужении. Темой историй общения священника с мирянами обычно является бездуховность, потребительское отношение последних к Церкви. В смешном, жалком виде в историях изображаются иноверные и атеисты, которых священнослужитель обезоруживает метким словом в защиту православия и заставляет ретироваться. В отношении к общению мирян между собой в историях обычно порицаются их слабости, связанные с нарушением заповедей, церковных установлений в быту, например, нарушением поста. В историях о встрече мирян с Богом и ангелами часто звучит тема беспочвенных притязаний человека на особые земные блага и на преференции в загробном мире; inferнальный мир представлен в историях бесами-искусителями, которых люди нередко при совершении грехов превосходят в своей изобретательности.

Среди многообразия акторов в РЮД вырабатываются свои лингвокультурные типы – обобщенные типы личности, выделяемые на основе социокультурных и этнокультурных стереотипов, принятых в церковной среде [Карасик, Ярмахова, 2006]. Так, излюбленным положительным героем РЮД выступают батюшка, пекущийся о своих чадах и шуточно обличающий их слабости, грехи, а подчас и сам попадающий в смешные ситуации. Данный лингвокультурный типаж обозначается в историях антропонимами: *батюшка, священник, священнослужитель, реже поп*. При этом часто используются определения, указывающие на возраст типажа, его семейное и материальное положение, место и стаж служения, черты характера и т. п., например:

сельский батюшка; священник небогатого сельского прихода; тюремный священник; недавно рукоположенный священник; многодетный батюшка; молодой ревностный священник; молодой и застенчивый батюшка; молодой батюшка, не без юмора человек; прозорливый батюшка; пожилой мудрый опытный священник; батюшка – светлейшей души человек.

Среди мирян, представленных в РЮД «людьми из народа», особой популярностью пользуется колоритный лингвокультурный типаж пожилой женщины, обычно прихожанки, охотно вступающей в обсуждение церковных вопросов со священником и окружающими и приводящей их своими утверждениями и поведением в полное недоумение. В историях данный типаж обозначается антропонимами: *старушка, бабушка, бабка, бабулька, бабуля, бабуленька, бабулечка, бабуса*, нередко они конкретизируются определениями, например:

богомольная бабушка; старушка-паломница; благодарная бабуля; шустрая бабуленька; всезнающая бабуля; бабушка, которая все знает; бабуля – одуванчик; старушка – божий одуванчик.

Характерным для РЮД является лингвокультурный типаж мужчины, далекого от Церкви, но волей случая соприкоснувшегося с религией и проявляющего в ее вопросах полнейший инфантилизм. Данный типаж отражает различные социальные слои общества, возрастные группы и маркируется следующими антропонимами часто с определениями, например:

крутой, здоровый мужчина; солидный господин; один бизнесмен; один олигарх; новый русский; мужик средних лет; обалдевший мужик; пьяненький мужик; выпивший мужичонка; хамоватого вида молодой человек.

Особое место в ЮРД занимает лингвокультурный типаж «женщины-захожанки», претендующей на принадлежность к элитарным слоям общества, которая лишь изредка заглядывает в церковь, но стремится установить в ней свои порядки. Данный лингвокультурный типаж вызывает отрицательные ассоциации у церковных служащих, что маркируется соответствующей лексикой, например:

мадам; дамочка средних лет; нарядная дама; импозантная дама в бриллиантах; дамочка, буквально пышущая злобой; тетка.

Соединение в РЮД религиозной сферы общения со сферой обиходно-бытового общения, где представлены речевые характеристики, стиль общения разных социальных групп, а также отражение в этом дискурсе реалий современного мира, связанных с использованием верующими, особенно молодежью, Интернета, новейших технологий, обуславливают его гибридный характер, чрезвычайно разнообразие его номинативного поля. В РЮД представлены различные слои лексики:

- 1) лексика религиозной сферы коммуникации:
 - а) религиозная лексика терминологического характера, служащая для обозначения:
 - священнослужителей: диакон, епископ, наместник, пономарь;
 - церковных праздников: Пасха, Рождество;
 - таинств, обрядов, церковных служб: крещение, соборование, отпевание, заупокойная лития, всенощное бдение;
 - действий, совершаемых в церкви: благословлять, исповедовать, окроплять, кадить;
 - одеяний, предметов культа, книг, используемых в богослужении: ряса, омофор, палица, митра, епитрахиль, амвон, кадило, Апостол;
 - храма, его частей: алтарь, паперть, свечной ящик;
 - б) церковнославянизмы: стезя, десница, очи, вкушение, врата, лобызаться;
 - в) церковная просторечная лексика: покрестить, нехристь, святая водичка, потрапезничать, утешиться (*чем-л., кагорчиком*), бес попутал;
 - г) обращения и речевые формулы, принятые в церковной среде, цитаты из старославянских молитвенных текстов: Отче! Святой отец! Братья и сестры! Матушка! Мир всем! Ступай с Богом! Елицы оглашенные, изыдите...
- 2) лексика обиходно-бытовой сферы общения:
 - а) разговорная лексика: стрепня, хлебать, выпендриться, дать деру, покачать кукиш, обматерить, перемывать кому-л. кости;
 - б) жаргонизмы из словоупотребления деклассированных элементов: братан, заказать кого-либо, кинуть кого-либо, бабло, банковать, шмон, контрольный выстрел;
- 3) лексика интернет-общения:
 - а) нейтральная лексика, например: операционная система, социальные сети, айпад, блог, чат, форум, смартфон, Instagram, Windows;

- б) стилистически сниженная лексика:
лайкать, комментить, постить, флудить, банить.

Актеры историй в РЮД, а также место и время происходящих событий носят обычно условный, обобщенный характер, о чем часто сигнализируют языковые средства с неопределенно-личной семантикой, например:

одна раба Божия, один брат, некий псаломщик, в одном из храмов, в некоем монастыре, однажды, как-то.

Идентификация актора / акторов осуществляется, как правило, когда речь идет о высказываниях, забавных случаях из жизни исторических лиц, известных персоналий в церковной жизни (иерархов Церкви, проповедников, старцев и др.). Иногда в историях приводятся имена собственные, например, *архимандрит Венедикт*, реже лишь один инициал имени героя, например, *отец С., трудник В., сестра К.*, а также конкретизируются локусы, например, *в скиту Оптиной, в Ярославской области*, что придает рассказанному жизненную достоверность. Этому же служат фразы в зачине историй, например, *случай из жизни; реальная история, реальный случай; реальный эпизод из жизни*.

Предметом осмеяния в РЮД являются человеческие слабости, недостатки: фарисейство (внешнее благочестие), человекоугодничество, суеверия, духовная лень, невежество в религиозных вопросах, неблагодарность Богу, рвение не по уму (особенно у новоначальных), замена духовной жизни виртуальным миром Интернета и т. п.

В РЮД применяются разнообразные приемы и языковые средства создания комического эффекта. Рассмотрим наиболее характерные для данного дискурса:

- 1) использование языковых средств из возвышенной сферы религии применительно к сниженной сфере повседневного общения, банальным жизненным ситуациям:
- а) применение терминологической религиозной лексики, например:

Мать сыну: «Ты почему «Основы православной культуры» прогуливаешь? Конец четверти уже, а у тебя оценка – между епитимьей и анафемой!»

- б) употребление возвышенных церковнославянизмов, например:

Батюшку спросили:
– Что вы делаете, когда у вас ломается машина?
– Ну, я выхожу, возлагаю руки на багажник и ... толкаю!

- в) использование цитат, аллюзий из Священного Писания, например:

Купил холодильник с новыми технологиями... Пытаюсь открыть после 18:00, а у него из динамика:

– Не хлебом единым будет жив человек. Терпение – мать добродетели. Будет день – будет пища.

- 2) обыгрывание ошибок, допускаемых нецерковными людьми в употреблении религиозной лексики. Они проявляются:

- а) в употреблении актором вместо религиозно маркированной лексемы слова-заменителя, знакомого ему из обыденной жизни, но противоречащего по смыслу ситуации церковного общения. Примером может служить неуместное употребление слова *жертвоприношение*, ассоциируемое с дохристианскими и варварскими обычаями, вместо религиозной лексемы *пожертвование* в следующих контекстах:

Приходит женщина, приносит продукты на канун.
– Где тут у вас стол для жертвоприношений?

Храм. Крестины. Мужик с ребенком в одной руке и пачкой денег в другой: «Где у вас тут жертвоприношение совершить можно?»

- б) в перестройке и переосмыслении религиозно маркированного слова, словосочетания по образцу близкого по внешнему облику более знакомого слова из нецерковного обихода. Например: *неусыпная психиатрия, неусыпаемый пластырь* вместо религиозной номинации *Неусыпаемый Псалтырь* Неусыпаемая Псалтырь; *просто комедия* вместо *проскомидия*. Приведем пример:

Вопрос в храме:
– Где тут можно заказать неусыпаемый пластырь?

- в) в искажении имен собственных, принятых в Церкви, но трудно воспринимаемых нецерковными людьми:
- личных имен: вместо имени *Флорентия* употребление *Флоренция*, вместо *Досифей* – *Фарисей*;
 - названий икон: *Забери мои проблемы* вместо *Утоли мои печали*; *Огнестрельная* вместо *Семистрельная*; *Чтобы хорошо покушать* вместо *Достойно есть*;

- г) в нарушении сочетаемости религиозно маркированной лексики, например, в следующем контексте, где рефлексивный глагол *приложиться к чему-л.* употребляется как общеупотребительный переходный глагол *приложить что-л. к чему-л.*:

После литургии одна бабулька немножко замешкалась, не успела приложиться ко кресту, подходит к батюшке со словами: «Батюшка, приложите меня к кресту, я не успела...»

- д) в употреблении вместо религиозно маркированной лексики ее синонима или близкого по значению слова из иной сферы коммуникации, что вызывает ложные ассоциации. Примером может служить употребление словосочетания *крестовый поход* вместо религиозного *крестный ход* в следующем контексте:

Одна женщина рассказала так о паломнической поездке:

- Там такая благодать, я окунулась в святой источник, приложила к мощам и сходила в «крестовый поход».

Немая сцена и вопрос:

- Не водили ли вас на Чудское озеро?

- 3) использование приема двойного смысла:

- Батюшка, а что можно *принять* от беспокойства?
- *Примите* волю Божию!
- Если тебя *греет* мысль о собственных добродетелях, знай: это *греется* твоя сковородка...

Данный прием достаточно часто используется при осмеянии неразумного, чрезмерного увлечения некоторыми верующими Интернетом, а также модными трендами в массмедиа:

- Вы *поститесь*?
- Еще как! С самого утра – уже тридцать *постов* в «Фейсбуке»!
- Дети, а вы знаете, как надо правильно *поститься*?
- Знаем!
- И как же?
- Комментировать и лайкать! Комментировать и лайкать!

Один батюшка рассказывал: «Знаете, как у нас называют священников, которые активно раздают интервью, ведут блоги, выступают на телевидении? *Поп-звезда*».

- 4) употребление алогичных высказываний, части которых противоречат друг другу по смыслу:

Из дневника новонаначального инока: «Так хочется всем рассказать, что я ушел в безмолвие!»

Молится молодая женщина:

- Господи, научи меня терпению, пожалуйста. И побыстрее!!!

- 5) применение риторической фигуры хиазм:

- *Грешен?*
- Грешен, отче. Лень одолевает.
- Бороться надобно с ленью.
- Так лень бороться, батюшка.
- Как поживаете?
- Вашими молитвами!
- Так не молимся же.
- Вот так и живем...

- 6) использование антонимов:

- Батюшка, у меня дар *открылся*!
- Какой?
- Видения чужих прегрешений.
- Благословляю *закрывать*.

- 7) применение лексических окказионализмов. Данный прием используется для характеристики речи незадачливых персонажей-мирян, например, кающихся на исповеди у священника:

- Отче, меня духовно заказали!
- Да вы что, серьезно? И кто же заказал?
- Жены мои бывшие.
- Сколько их было?
- Четверо.
- И как «заказали»?
- Собрались вместе и панихиду по мне заказали! *Распанихидните* меня!

- Батюшка, я это... *блинанием* согрешил.
- А это как?
- Ну, я, понимаете ... всё время «Блин» говорю ...

- 8) нарушение грамматических норм языка, обычно в детских анекдотах:

Малыш обращается к Богу:

- Господи, пусть будет всё так, как Ты захочешь. Но *хоти* так, как хочу я!

- 9) применение «ударной» непредсказуемой финальной реплики, разрушающей серьезную тональность общения и раскрывающей комическую сущность происходящего или несущей нагрузку назидательности. Данная реплика формулируется в виде:

- а) вопросительного предложения, в том числе риторического:

- А покропите нам, батюшка, квартиру святой водичкой, чтобы всё грешное ушло.
- А сами-то где жить будете?

- б) повествовательного предложения, в том числе односоставного, нередко включающего формулы церковного этикета:

Выходят из храма после службы две прихожанки. На дороге лужа, и проезжающая машина обливает одну из них грязью.

- Ах ты... Чтоб тебя... (*ругается на чем свет стоит*.)
- Так это же батюшка!
- Ой, благодать-то какая!!!

- Маша, гости уходят. Что нужно сказать?
- Слава Богу.

- в) побудительного предложения, например:

- Можно ли спастись? – вопрошает послушник.
- Практически невозможно, – отвечает отец Савва, – но попробовать стоит...
- С чего же начать?
- Позвони маме.

- 10) использование сентенций, в которых в назидательную форму облачается шутливое содержание. Обычно данный прием встречается в историях, где одним из акторов является старец, от которого ожидается поучение, мудрый совет:

Один старец сказал: «Бог дал нам два уха и только один рот для того, чтобы мы говорили вдвое меньше, чем слушаем».

Священнику, который собирался произнести проповедь, один старец сказал: «Запомни, брат: проповедь никогда не будет плохой, если слушатели найдут ее короче, чем ожидали».

- 11) стилизация текста религиозной сферы коммуникации, в которых передается комическое содержание, чем усиливается юмористическое воздействие на адресата. Обычно для этого

используются модели таких типов текста, как заповедь, молитва, притча, исповедь, записка (*о поминовении*), объявление и др.:

Сегодня для себя создала новую заповедь: «Не обижай меня, да не обижен будешь!»

Молитва женщины: «Боже, дай мне мудрости жить с мужем, дай мне терпение кротко переносить его плохое поведение, дай мне надежду верить, что все исправится ... но силы мне не давай, а то побью его, достал!»

Реальный случай. В храме на молебне батюшка читает записки и поминает: «О здравии Петра, Ирины, Николая... и всех православных христиан, кроме тех, кто крал наш кирпич...»

Объявление водворе храма о приглашении на беседа чаепитие, тема: «Страшен ли Страшный суд».

Плакат в церкви: «Водитель, помни! Твой личный ангел-хранитель летает со скоростью не более 90 км / ч».

- 12) стилизация высокого церковного стиля применительно к реалиям современного мира, бытовым явлениям, заслуживающим осуждения. Обычно это ведет к смешению языковых средств разной стилевой принадлежности. Примером может служить шутливый «чин исповеди блогера», где намеренное столкновение возвышенных церковнославянизмов, оборотов церковного красноречия и сниженной разговорной лексики, модных слов, специальной лексики из обихода интернет-пользователей, лексических окказионализмов служит высмеиванию интернет-зависимости, наблюдаемой даже в среде священнослужителей, например:

По обычному началу, молитвах и увещевании пасть, обращаясь к кающемуся, глаголет: «Рцы ми, чадо: блог ведешь с благословения отца духовного (аще иерей – с благословения архиерейского) или самочинно? Ради чего ведешь – не ради ли суетной людской славы? Не порочишь ли своими постами своими священноначалие? Не вещаешь ли чего вопреки словам архипастырским или соборным? Слова епископские на кошуны не используешь ли? Не постишь ли картинок мерзостных, страшных или блудных? Еретиков или безбожников во френдах не имеешь ли? Ради блага не оставил ли семью, обязанностей церковных в небрежении? Рцы убо ми, чадо: аще соблазнил кого блужением своим? Не

флудил ли? Не банил ли ближнего безвинно, по неприязни? Не склонен ли к троллингу или флешмобу? Нечестивым «олбанским» языком не глаголил ли? Не ставил ли на юзерпики личин богомерзких или кошунов?»

Рассмотренные приемы и средства создания комического эффекта, имеющие как универсальный характер, так и типичные для религиозной сферы общения, позволяют высветить смешное, несурзкое в жизни, поведении современных верующих, людей, приходящих в церковь, что должно побудить их улыбнуться и критически взглянуть на себя и на свои поступки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, РЮД является особым лингво-прагматическим и лингвокультурным феноменом, отражающим смеховую картину мира православных верующих. Для РЮД характерны свои сюжеты, модели комического поведения, акторы, лингвокультурные типажи, языковые особенности, а также излюбленные приемы и средства создания комического эффекта. Перспективным, на наш взгляд, представляется дальнейшее изучение РЮД на материале других языков и конфессий, что послужит вкладом в дискуртологию, лингвокультурологию, этнолингвистику, религиоведение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. Языковой круг: личность, концепты, Дискурс. М.: Гнозис, 2004.
2. Лендваи Э. Прагматические механизмы современного русского анекдота: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 2001.
3. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот. Текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002.
4. Кулинич М.А. Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во СГЛУ, 2004.
5. Милославская Н. Д. Немецкий языковой бытовой анекдот как специфический тип юмористического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011.
6. Рохлина Т.А. Языковая репрезентация комического в жанрах немецкой смеховой культуры (на примере немецкого прозаического шванка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
7. Фернандес Санчес Ю. В. Юмористический дискурс в испанской и баскской лингвокультурах: сопоставительный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2017.
8. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000.
9. Казакова Д. В. Категория комического в медицинском дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2013.
10. Ратмайр Р. Смех в деловом общении: комизм и вежливость// Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М.: Индрик, 2007. С. 164–174.
11. Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976.
12. Морозова А.М. Дискурсивная специфика реализации юмористической тональности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
13. Боров Ю. Б. Трагическое и комическое и проблемы литературы: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. М., 1963.
14. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974.
15. Анисимова Е. Е. Религиозный дискурс: функциональный и антропологический аспекты. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019.
16. Карасик В., Ярмахова Е. Лингвокультурный типаж «английский чудак». М.: Гнозис, 2006.

REFERENCE

1. Karasik V. (2004) Yazy'kovoij krug: lichnost', koncept, diskurs = Lingual sphere: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
2. Lendvai E'yu. (2001): Pragmaticheskie mekhanizmy' sovremennogo anekdota = Pragmatic mechanisms of modern Russian jokes: abstract of senior doctorate in philology. Moscow. (In Russ.)
3. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. (2002). Russkij anekdot. Tekst I rechevoj zhanr = Russian jokes. Texte and genre. M.: Yazy'ki slavyanskoj kul'tury'. (In Russ.)
4. Kulinich V.F. (2004) Lingvokulturologiya yumora (na materiale anglijskogo yazy'ka) = Linguo-cultural studies of humor (a case studies of the English language). Samara: Isd-vo SGLU. (In Russ.)
5. Miloslavskaya N.L. (2011) Nemezkij by'tovoj anekdot kak specificheskij tip yumotisticheskogo diskursa = Common German language jokes as a specific type of humorous discourse: abstract of PhD in Philology. Ivanovo. (In Russ.)

6. Roxlina T. A. (2017): Yazy'kovaya reprezentaciya komicheskogo v zhanrax nemeczkoj smexovoj kultury' (na primere nemeckogo shwanka) = Representation of comic images in the German joking in the context of prosaic schwank): abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
7. Fernandes Santes Yu. V. (2017) Yumoristicheskij diskurs v ispanskoj i baskoj lingvokul'turax: sopostavitel'nyj analiz = Humorous discourse in the Spanish and Basque linguistic culture: comparative analysis : abstract of PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Zheltuxina M. P. (2000) Komicheskoe v politicheskom diskurse XX veka. Russkie i nemeczkie politiki = Comic images in political discourse of the late 20th century. Russian and German politicians abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
9. Kazakova D. V. (2013) Kategoriya komicheskogo v medicinskom diskurse = The humor in a medical discourse: abstract of PhD in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
10. Ratmair R. (2007) Smex v delovom obshhenii: komizm i vezhlivost' = Laughter in business communication: comedy and politeness. In: Logic lingual analysis. Lingual mechanisms of comic images. Moscow: Indrik. P 164–174.
11. Propp VJa. (1976) Problemy' komizma i smexa = Problems of the funny side and laugh. Moscow: Iskusstvo.
12. Morosova A. M. (2013) Diskursivnaya specifika realizacii jumoristcheskoj tonalnosti = Specific discourse features of the humorous tonality realization: abstract of PhD in Philology. Volgograd. (In Russ.)
13. Borev Yu. B. (1963) Tragicheskoe i komicheskoe i problemy' literatury' = Tragedy and humor and problems of literature: abstract of senior doctorate in philology. Moscow. (In Russ.)
14. Dsemidok B. (1974) O komicheskom = About the comic. Moscow: Progress. (In Russ.)
15. Anisimova E. E. (2019) Religioznyj diskurs: funkcional'nyj i antropologicheskij aspekty' = Religious discourse: functional and anthropological aspects. Moscow: MSLU. (In Russ.)
16. Karasik V., Jarmaxova E. (2006) Lingvokulturny' tipazh "anglijskij chudak" = Specific linguo-cultural model "English freak/old fellow. Moscow: Gnozis. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анисимова Елена Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка

факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anisimova Elena Evgenievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor

Professor at the Department of Grammar and History of The German Language

Faculty of the German Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.08.2023
15.09.2023
18.10.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication